

*Сьюзен Уотт —
той единственной, кому «Враг Божий»
обязан своим появлением на свет*

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Враг Божий» — второй роман трилогии. Он рассказывает о событиях, следующих непосредственно за описанными в «Короле Зимы». В первой книге умирает Утер, король Думнонии и верховный правитель Британии. Ему наследует малолетний внук Мордред. Артур, незаконный сын Утера, назначенный одним из опекунов Мордреда, со временем становится главным регентом. Артур намерен выполнить данную Утеру клятву, чтобы Мордред, достигнув совершеннолетия, занял трон Думнонии.

Артур также намерен принести мир воюющим королевствам бриттов. Главный враг Думнонии — Повис, но когда Артуру предлагают в жены Кайнвин, дочь повисского короля, возникает надежда на примирение. Однако Артур убегает с бесприданницей Гвиневерой. Оскорбление, нанесенное Кайнвин, приводит к многолетней войне. Артур кладет ей конец, разбив повисского короля Горфиддида в битве при Лугг-Вейле. Трон Повиса переходит к Ку-негласу, брату Кайнвин, который, как и Артур, хочет примирить бриттов, чтобы вместе сражаться против захватчиков-саксов.

В «Короле Зимы», как и во «Враге Божьем», рассказ идет от лица Дерфеля, раба-сакса, воспитанного в доме Мерлина и ставшего одним из воинов Артура. Артур отправляет Дерфеля в Арморику (нынешняя Бретань), где тот ведет безнадежную войну, защищая Беноик от завоевателей-франков. Вместе с другими из Беноика в Британию бежит Ланселот, сын беноикского короля. Артур хочет женить его на Кайнвин и посадить на трон Силурии. В Кайнвин влюблен Дерфель.

Еще Дерфель любит Нимуэ, подругу своих детских игр, а ныне — помощницу и возлюбленную Мерлина. Мерлин — друид и возглавляет тех бриттов, которые мечтают возродить в Британии старую религию. Ради этого он ищет волшебный котел, одно из

Тринадцати Сокровищ Британии. В глазах Мерлина и Нимуэ найти котел куда важнее, чем защитить земли от врагов. Мерлину противостоят христиане; один из их предводителей — епископ Сэнсам, который утратил немалую часть своего влияния, выступив против Гвиневеры. Теперь опальный Сэнсам — настоятель монастыря Священного Терновника на острове Инис-Видрин (Гластонбери).

«Король Зимы» заканчивается победой, которую Артур одерживает в Лугг-Вейле. Власти Мордредра ничто не угрожает, все королевства Южной Британии заодно, и Артур, пусть сам и не король, их бесспорный вождь.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Агрикола — гвентский полководец, который служит королю Тев-
дрику

Ада — возлюбленная Ланселота

Амхар — незаконнорожденный сын Артура

Артур — думнонский полководец и защитник Мордред

Балин — один из воинов Артура

Бан — бывший король Беноика (королевства в Бретани), отец
Ланселота и Галахада

Бедвин — епископ Думнонии, главный советник короля

Биртиг — наследный принц, позже король Гвинедда

Борс — двоюродный брат Ланселота, его первый воин

Брохваэль — король Повиса в послеартуровское время

Галахад — принц Беноика, брат Ланселота

Гвенвивах — сестра Гвиневеры, принцесса Хенис-Вирена

Гвидр — сын Артура и Гвиневеры

Гвилиддин — слуга Мерлина

Гвиневера — жена Артура

Горфиддид — король Повиса, убитый в Лугг-Вейле, отец Кунегла-
са и Кайнвин

Гундлеус — король Силурии, убитый в Лугг-Вейле

Дерфель Кадарн — рассказчик, сакс, воин Артура, впоследствии
монах

Диан — младшая дочь Дерфеля

Динас — силурийский друид, брат-близнец Лавайна

Диурнах — ирландский король Ллейна (эта страна раньше назы-
валась Хенис-Вирен)

Игрейна — королева Повиса после смерти Артура, супруга Брох-
ваэля

Иорвет — друид из Повиса

- Исеулт* — королева Кернова, супруга Марка
Исса — один из копыеносцев Дерфеля, впоследствии его заместитель
- Кадваллон* — король Гвинедда
Кадви — мятежный правитель Иски
Кадок — христианский епископ, почитаемый святым, отшельник
Кай — друг детства Артура, теперь один из его воинов
Кайнвин — повисская принцесса, сестра Кунегласа, дочь Горфиддида
- Каллин* — первый воин Кернова
Кердик — король саксов
Китрин — думнонийский судья и советник
Кулук — двоюродный брат Артура, один из его воинов
Кунеглас — король Повиса, сын Горфиддида
Каван — заместитель Дерфеля
Лавайн — силурийский друид, брат-близнец Динаса
Ланваль — один из воинов Артура
Ланселот — изгнанный король Беноика
Леодеган — изгнанный король Хенис-Вирена, отец Гвиневеры и Гвенвивах
- Лигессак* — бывший начальник телохранителей Мордредра, ныне в изгнании
- Линет* — бывшая любовница Дерфеля, ныне служанка Гвиневеры
Лохольт — незаконный сын Артура, близнец Амхара
Малейн — повисский друид
Малла — жена Саграмора, саксонка
Марк — король Кернова, отец Тристана
Маэльгвин — монах в Динневраке
Мелвас — король белгов в изгнании
Мерлин — верховный друид Думнонии
Морвенна — старшая дочь Дерфеля
Моргана — старшая сестра Артура, одна из главных жриц Мерлина
- Мордред* — король Думнонии, сын Норвенны
Морфанс — один из воинов Артура, прозванный Уродливым
Мэуриг — наследный принц, впоследствии король Гвента
Набур — христианский судья в Дурноварии
Нимуэ — главная жрица и возлюбленная Мерлина
Норвенна — мать Мордредра, убитая Гундлеусом

- Передур* — сын Ланселота и Ады
Пирлиг — бард Дерфеля
Ралла — служанка Мерлина, жена Гвилиддина
Саграмор — нумидиец, военачальник Артура, хозяин Камней
Серена — вторая дочь Дерфеля
Скарах — жена Иссы
Сэнсам — епископ в Думнонии, впоследствии настоятель монастыря в Динневраке, где живет Дерфель
Танабурс — силурийский друид, убитый Дерфелем после битвы в Лугг-Вейле
Тевдрик — король Гвента, отец Мэурига, впоследствии — отшельник
Тристан — наследный принц Кернова, сын Марка
Тудвал — монах-послушник в Динневраке
Утер — покойный верховный король Думнонии, дед Мордред
Хеллед — супруга Кунегласа, королева Повиса
Хигвидд — слуга Артура
Эхерн — один из копейщиков Дерфеля
Эйлеанн — бывшая возлюбленная Артура, мать его сыновей-близнецов Амхара и Лохолгта
Элейна — мать Ланселота, вдова Бана
Элла — король саксов
Эмрис — епископ Думнонии, преемник Бедвина
Энгус Макайрем — ирландский король Деметии, земли, прежде называемой Дифед
Эрке — мать Дерфеля, также называемая Энна

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ¹

- Абона** — Эйвонмут, Эйвон
Аква-Сулис* — Бат, Эйвон
Беноик* — захваченное франками королевство в Бретани (Арморике)
Бодуэн* — Гарн-Бодуэн, Гвинедд
Броселианд* — последнее королевство бриттов в Арморике

¹ Названия мест, отмеченные звездочкой, упоминаются в исторических хрониках.

- Бурриум** — столица Гвента. Уск, Гвент
Вента* — Винчестер, Гемпшир
Виндокладия* — римская крепость возле Уимборн-Минстер, Дорсет, Англии
Глевум* — Глостер
Динневрак — монастырь в Повисе
Долфорвин* — возле Ньютауна, Повис
Дом Эрмида* — возле Стрита, Сомерсет
Дун-Кейнах — Харсфилд-Бикон, возле Глостера
Дунум* — Ход-Хилл, Дорсет
Дурниовария* — Дорчестер, Дорсет
Инис-Видрин* — Гластонбери, Сомерсет
Инис-Вит* — остров Уайт
Инис-Требс — утраченная столица Беноика, гора Сен-Мишель, Бретань
Иска Думнонийская* — Экстер, Девон
Иска Силурийская* — Карлеон, Сомерсет
Каллева* — приграничная крепость, Силчестер, Гемпшир
Камни* — Стоунхендж
Кар-Амбра — Эмсбери, Уилтшир
Кар-Гей — столица Гвинедда. Северный Уэльс
Кар-Кадарн — Саут-Кедбери, Сомерсет
Кар-Свос* — столица Повиса. Карсус, Повис
Коришиум* — Сайренсчестер, Глостершир
Кум-Исаф* — возле Ньютауна, Повис
Ллин-Керриг-Бах* — озеро Маленьких Камней, ныне аэродром на острове Англии
Ллогр* — часть Британии, захваченная саксами, буквально «потерянные земли». На современном валлийском «Ллогр» означает «Англия».
Лугг-Вейл* — Мортимерс-Кросс, Херефорд и Вустер
Магнис* — римский форт Кенчестер, Херефорд и Вустер
Нидум* — Нит, Гламорган
Понт* — Стейнс, Суррей
Ратэ* — Лестер
Тор* — Гластонбери-Тор, Сомерсет
Хальком* — Солком, Девон

Часть первая

ТЕМНАЯ ДОРОГА

Глава 1

Сегодня я вспоминаю умерших.

Наступил последний день старого года. Папоротник на холме побурел и пожух, вязаы в долине облетели, начался забой скота. Нынче ночью — канун Самайна.

Нынче ночью завеса между живыми и мертвыми затрепещет, поредет и наконец исчезнет. Нынче ночью покойники пройдут по мосту-мечу. Нынче ночью они явятся из Иного мира сюда, но мы их не увидим. Они будут здесь, но мы различим лишь тени во тьме, услышим лишь шепоток ветра в безбурной ночи.

Епископ Сэнсам, святой, настоятель нашей монашеской обители, смеется над этими верованиями. У покойников, говорит он, нет призрачных тел, они не могут пройти по мосту-мечу; покойники лежат в холодных могилах и ждут второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа. Он говорит, усопших надо помнить и молиться за их души, однако тела их истлели. Глаза вытекли, глазницы зияют черными дырами, внутренности стали добычей червей, кости заросли плесенью. Святой уверяет, что мертвые не тревожат живых в ночь на Самайн. И все-таки даже он, уходя спать, словно бы ненароком забудет у монастырского очага хлеб и кувшин с водой.

Я оставлю больше. Чашу с медом и кусок лососины. Скромные подношения — все, что в моих силах. Я оставлю их у очага, уйду в свою келью и буду ждать мертвых, которые посетят нынче ночью холодный дом на голом холме.

Я буду называть их имена. Кайнвин, Гвиневера, Нимуэ, Мерлин, Ланселот, Галахад, Диан, Саграмор — список занял бы два пергамента. Их шаги не потревожат камыш на полу, не

спугнут мышей, обитающих в соломенной кровле, но даже епископ Сэнсам знает, что наши кошки будут выгибать спины и шипеть из кухонных углов на тени, которые и не тени вовсе, когда те подступят к очагу принять дары, оставленные, чтобы их задобрить.

Итак, сегодня я вспоминаю умерших.

Теперь я стар, как когда-то Мерлин, хотя далеко не так мудр. Наверное, только мы с епископом Сэнсамом еще помним те славные времена, и я один храню о них добрую память. Быть может, уцелел кто-нибудь еще, в Ирландии или в пустынных землях к северу от Лотиана. Мне о них ничего не ведомо. Знаю одно: если они живы, то, подобно мне, ежатся от подступающей тьмы, словно кошки, которые подбираются, заведев ночные тени. Все, что мы любили, разрушено, все, что построили, уничтожено, все, посеянное нами, пожали саксы. Мы, бритты, цепляемся за гористые западные земли и твердим о мести, но нет меча, способного одолеть великую тьму. Часто, слишком часто я мечтаю оказаться среди мертвых. Епископ Сэнсам одобряет это желание: хорошо, мол, стремиться на небеса. Впрочем, я не думаю, что попаду в рай и вместе со святыми займу место одесную Отца. Я много грешил и потому страшусь ада, и все же, вопреки своей нынешней вере, надеюсь попасть в Иной мир. Там, под яблонями четырехбашенного Аннуина, ломится от яств стол, за которым собрались мои друзья. Мерлин улещивает, поучает, ворчит и насмешничает. Галахад рвется вставить словцо. Кулух, прискучив бесконечными разговорами, стянул себе лишнюю порцию мяса и думает, будто никто не заметил. И там же Кайнвин, милая Кайнвин, улаживает раздоры, посеянные Нимуэ.

Однако я вынужден влачить земное существование. Я живу, в то время как друзья мои пируют, и, пока дышу, буду писать повесть об Артуре. Я составляю ее по просьбе королевы Игрейны, молодой супруги короля Брехваэля Повисского, покровителя нашего маленького монастыря. Игрейна хочет знать все, что я помню об Артуре. Вот почему я пишу эту повесть, хотя епископ Сэнсам не одобряет мой труд. Он говорит, что Артур был враг Божий, дьяволово семя, посему я пишу на родном саксонском, которого святой не понимает. Мы с Игрейной

лжем, будто я перевожу Евангелие Господа нашего Иисуса Христа на язык врагов, и епископ то ли нам верит, то ли выжидает время, чтобы разоблачить меня и покарать.

Я пишу каждый день. Игрейна часто приходит в монастырь помолиться Богу, чтобы Он даровал ей дитя, потом забирает пергаменты и отдает писарю Брехваэля, а тот перекладывает их на язык бриттов. Думаю, она многое меняет, подгоняя Артура под образ, который ей более по душе, но что мне за печаль? Никто не будет этого читать. Я подобен человеку, строящему плотину из глины и прутьев для защиты от грядущего наводнения. Близится тьма, в которой не останется грамотных людей. Одни саксы.

Итак, я пишу об умерших, коротая время в ожидании встречи, когда смиренный инок брат Дерфель вновь станет лордом Дерфелем Кадарном, Дерфелем Могучим, первым воином Думнонии, лучшим другом Артура. Однако сейчас я всего лишь старый продрогший монах и пишу воспоминания единственной уцелевшей рукой. Нынче ночью канун Самайна, завтра — первый день нового года. Близится зима. У оград намело кучи опавших листьев, по стерне бродят дрозды, чайки перебрались на сушу, и дятлы собираются при полной луне. Самое время, говорит мне Игрейна, писать о былом. Она принесла новую стопку телячьих кож, бутылочку свежеприготовленных чернил и пучок перьев. Расскажи мне об Артуре, просит она, о нашей лучшей и последней надежде, о короле, который никогда не был королем, о враге Божьем и биче саксов. Расскажи об Артуре.

* * *

Ужасен вид поля после сражения.

Мы победили, однако в наших сердцах не было буйной радости. Мы дрожали у костров, стараясь не думать о нечисти, что бродит среди павших в Лугг-Вейле. Кое-кто спал, но беспокойно — им снилась битва. Я пробудился среди ночи от воспоминания о копье, едва не вспоровшем мне живот. Исса спас меня, отбив вражеский удар краем щита, но мысль о том, что могло случиться, не отпускала. Я попытался снова заснуть и не смог, так явственно представлялось мне это копье, поэтому,

усталый и замерзший, встал и закутался в плащ. Долину освещали гаснущие костры, во тьме меж огнями клубились дым и речной туман. Что-то двигалось в дыму — люди или духи, я различить не мог.

— Не спится, Дерфель? — раздался тихий голос из дверей римского здания, где лежало тело короля Горфиддида.

Я повернулся и увидел Артура. Он смотрел на меня.

— Да, господин, — признал я.

Артур двинулся между спящими воинами. Длинный белый плащ из тех, что он так любил, как будто светился во тьме. На нем не было ни грязи, ни крови; я сообразил, что Артур заранее прихватил его с собой, чтобы переодеться. Нам, остальным, было все равно, в чем мы окажемся после боя — да хоть нагишом, лишь бы живыми. Однако Артур всегда отличался чистоплотностью. Он был с непокрытой головой, волосы по-прежнему примяты там, где их сдавливал шлем.

— Мне всегда плохо спится после сражения, по крайней мере неделю. Потом приходит блаженное забытие. — Он улыбнулся. — Я — твой должник.

— Нет, господин, — возразил я, хотя Артур сказал правду. Мы с Саграмором весь день удерживали Лугг-Вейл против несметного полчища врагов, и Артур не пришел нам на выручку. Позже подоспела помощь, а с ней и победа, но из всех его битв эта была ближе всего к поражению. Если не считать последней.

— Я, во всяком случае, не забуду твоей услуги, — ласково проговорил Артур, — даже если ты сам о ней не помнишь. Пришло время обогатить тебя, Дерфель, тебя и твоих людей.

Он улыбнулся и, взяв меня под локоть, повел туда, где наш разговор не беспокоил бы тревожный сон воинов, лежащих ближе к кострам. Земля была влажная, дождь заполнил водой вмятины от копыт Артуровой конницы. Интересно, подумалось мне, снится ли лошадям сражение? И еще: вздрагивают ли убитые, бредущие сейчас по мосту-мечу, от воспоминаний об ударе копьём, отправившем их души в Иной мир?

— Гундлеус убит? — перебил мои мысли Артур.

— Да, господин. — Король Силурии испустил дух еще до темноты, но я не видел Артура с тех пор, как Нимуэ покончила со своим врагом.

— Я слышал его крики, — сдержанно проговорил Артур.

— Вся Британия, наверное, их слышала, — так же сухо отвечал я. Нимуэ вырывала черную душу короля по кускам и пела, праздная отмщение человеку, который отдал ее на поругание воинам и ослепил на один глаз.

— Значит, Силурии нужен король, — продолжал Артур. Он поглядел в долину, туда, где в дымном мареве метались черные тени. Отблески пламени ложились на свежесбритое лицо, подчеркивая заострившиеся черты. Не красавец и не урод, Артур обладал тем, что правильнее всего было бы назвать необычной внешностью. Лицо, длинное и скуластое, в минуты задумчивости казалось печальным, а во время разговора оживлялось внутренним пылом и быстрой улыбкой. Он был молод — всего тридцать лет; в коротко стриженных волосах еще не начала пробиваться седина.

— Идем. — Он тронул меня за плечо и указал в долину.

— Ты хочешь идти среди мертвых? — Я в ужасе попятился. По мне, лучше было переждать у костров, пока рассвет не прогонит нечисть.

— Мы их убили, Дерфель, ты и я, — отвечал Артур, — так кто кого должен бояться?

Он был совершенно чужд суевериям. Мы носили при себе амулеты и во всем видели дурные знаки; Артур двигался сквозь мир духов, как слепец.

— Идем, — повторил он, снова трогая меня за плечо.

Мы углубились во мрак. Не все, лежащие в тумане, были мертвы, некоторые жалобно молили о помощи, но Артур, обычно добрейший из людей, оставался глух к их стонам. Он думал о Британии.

— Завтра я поеду на юг, — сказал он, — на встречу с Тевдриком.

Гвентский король Тевдрик, наш союзник, отказался послать своих воинов в Лугг-Вейл, ибо не верил в победу. Теперь он наш должник — мы выиграли для него войну, однако Артур, как обычно, не помнил зла.

— Я попрошу Тевдрика послать людей на восток, против саксов, и отправлю с ними Саграмора. Они должны удерживать

границу до конца зимы. Твои люди, — он быстро улыбнулся, — заслужили отдых.

По его улыбке я понял, что отдыха не будет, и отвечал покорно:

— Они отправятся, куда велишь.

Я шел с опаской, страшась зыбких теней и правой рукой делая знаки от дурных сил. Порою души, разлученные с телом, не находят дороги в Иной мир и бродят по земле, разыскивая свои прежние тела и мстя убийцам. Той ночью в Лугг-Вейле было много таких душ, и я их боялся; однако Артур шагал среди мертвецов беспечно, одной рукой придерживая полу плаща над мокрой травой и грязью.

— Твои люди нужны мне в Силурии, — решительно сказал он. — Энгус Макайрем захочет ее разграбить. Его надо остановить.

Энгус — ирландский король Деметии — во время битвы перешел на сторону Артура и тем обеспечил ему победу. За это ирландцу обещали пленников и долю богатств Силурийского королевства.

— Пусть возьмет сто невольников, — объявил Артур, — и треть силурийской казны. Так мы договорились, хотя он все равно попытается нас обмануть.

— Я прослежу, чтобы не обманул, господин.

— Нет, не ты. Позволишь Галахаду повести твоих людей?

Я кивнул, пряча удивление, потом спросил:

— А что делать мне?

— Силурия меня беспокоит, — продолжал Артур, словно не слыша вопроса. Он нахмурился. — Ею дурно управляли, Дерфель, очень дурно.

Сказано это было с глубоким отвращением. Для всех нас дурное правление так же естественно, как снег зимою или цветы по весне, однако Артур искренне ему ужасался. Мы помним Артура легендарным воином в сияющих доспехах и с острым мечом в руке, он же хотел остаться в памяти людей добрым, честным и справедливым правителем. Меч давал ему власть, а он уступал эту власть закону.

— Королевство незначительное, но, если не навести там порядок, хлопот с ним не оберешься. — Он думал вслух, пытаясь

предугадать все препятствия, отделяющие эту ночь после боя от его мечты о мирной объединенной Британии. — Идеальным решением было бы разделить Силурию между Гвентом и Повисом.

— А что мешает? — спросил я.

— Я обещал ее Ланселоту, — отвечал Артур тоном, не допускающим возражений.

Я промолчал, только тронул рукоять Хьюэлбейна, чтобы сталь защитила мою душу от порчи. Я смотрел на груды мертвых тел перед лесом, который мои люди защищали весь долгий вчерашний день.

Много храбрецов отличилось в том бою, только не Ланселот. За все те годы, что я служил под началом Артура, за все годы знакомства с Ланселотом я никогда не видел его в боевом строю. Видел, как он преследует разбитого врага, как ведет пленных перед ликующей толпой, но никогда — в жаркой стычке двух сошедшихся щитами воинств. Изгнанный король Беноика, свергнутый прихлынувшей из Галлии ордой франков, он ни разу, насколько я знал, не обратил копьё против захватчиков. И все же барды по всей Британии воспевали его доблесть. Ланселот, король без королевства, герой сотни сражений, меч бриттов, прекрасный и скорбный воитель... И всю славу добыли ему песни, не меч. Мы были врагами, и оба — друзья Артуру, поэтому жили в состоянии напряженного перемирия.

Артур знал, как я отношусь к Ланселоту. Он тронул меня за локоть, и мы вместе двинулись на юг, к грудам мертвых тел.

— Ланселот — союзник Думнонии. Если Ланселот будет править Силурией, мы сможем ее не опасаться. А если Ланселот женится на Кайнвин, то и Повис его поддержит.

Как только прозвучали эти слова, моя ненависть вспыхнула с новой силой, и все же я промолчал. Что возразить? Я сын раба-сакса, молодой воин с отрядом бойцов, но без земли, а Кайнвин — принцесса Повиса. Ее называли «серена», звезда, и она сияла над блеклой землей, словно искорка солнца в грязи. Ее обещали Артуру, а он предпочел Гвиневеру, что стало причиной войны, закончившейся вчера бойней в Лугг-Вейле.

Теперь, чтобы наступил мир, Кайнвин должна была выйти за Ланселота, моего врага, в то время как я, ничтожный, ее любил. Я носил ее брошь на одежде и ее образ в душе. Я даже поклялся защищать ее, и она не отвергла мою клятву. Тогда я поверил, что моя любовь не безнадежна. Тщетное обольщение! Кайнвин — принцесса и выйдет за короля, а я рожден в рабстве и должен искать жену попроще.

Итак, я промолчал о своей любви к Кайнвин, и Артур, решивший судьбу Британии в ночь после победы, ничего не подозревал. Да и как иначе? Признайся я, что люблю Кайнвин, он воспринял бы это как честолюбивое желание петуха из навозной кучи сочетаться браком с орлицей.

— Ты ведь знаешь Кайнвин? — спросил Артур.

— Да, господин.

— И она хорошо к тебе относится, — полувопросительно, полуутвердительно продолжал он.

— Смею надеяться, — честно отвечал я, вспоминая серебристую красу Кайнвин и замирая при мысли, что она достанется Ланселоту. — Настолько хорошо, что даже призналась: она не хочет этого брака.

— А с какой стати ей хотеть? — спросил Артур. — Она никогда не видела Ланселота. Мне не нужно ее желание, Дерфель, мне нужна лишь покорность.

Я замаялся. Перед сражением, когда Тевдрик всеми силами стремился покончить с войной, разорвавшей его земли, меня отправили к Горфиддиду, чтобы склонить его к миру. Из посольства ничего не вышло, однако я поговорил с Кайнвин и рассказал, что Артур надеется на ее брак с Ланселотом. Она не отказалась, но и не обрадовалась. Разумеется, тогда никто не верил, что Артур разобьет отца Кайнвин в бою; тем не менее она предполагала такую возможность и попросила меня в случае победы ходатайствовать за нее перед Артуром. Она взывала к его заступничеству, и я, сжигаемый любовью, перевел эту просьбу в мольбу не выдавать ее замуж против воли. Сейчас я сказал Артуру, что она просит его защиты.

— Ее слишком многим обещали в жены, господин, — добавил я. — Думаю, после стольких разочарований она хочет, чтобы ее на время оставили в покое.

— На время! — рассмеялся Артур. — У нее нет времени, Дерфель. Ей почти двадцать! Не может она оставаться в девках, как кошка, что никак не поймает мышь. И за кого еще ей выйти? — Он прошел несколько шагов. — В покровительстве своем я ей не отказываю, но что защитит ее лучше, чем брак с Ланселотом? А как насчет тебя? — внезапно спросил он.

— Меня, господин? — Сердце замерло от радости — на мгновение я подумал, что Артур предлагает мне жениться на Кайнвин.

— Тебе почти тридцать, — сказал он, — самое время для женитьбы. Об этом я позабочусь, когда вернемся в Думнонию, а сейчас я отправляю тебя в Повис.

— Меня, господин? В Повис? — Мы только что разбили войско Повиса; вряд ли кто-то обрадовался бы там сейчас вражескому воину.

Артур стиснул мой локоть.

— В следующие несколько недель главное — чтобы Кунегласа признали королем Повиса. Он считает, что соперников не будет, но я не хочу рисковать. Отправляйся в Кар-Свос, пусть все видят, что мы с ним друзья. Ничего более. Пусть любой соперник знает: ему придется сражаться не только с Кунегласом, но и со мной. Если ты будешь там, рядом с ним, все это поймут.

— Так почему не послать сотню воинов? — спросил я.

— Не хочу, чтобы это выглядело так, будто мы посадили Кунегласа на трон. Мне нужна его дружба, и не годится, чтобы он вернулся в Повис побежденным. И потом... — Артур улыбнулся. — Ты сам стоишь сотни воинов, Дерфель. Вчера ты это доказал.

Я скривился, поскольку не любил чрезмерной хвалы. Впрочем, если слова эти означали, что я достоин быть Артуровым посланцем в Повисе, то и хорошо — я снова окажусь рядом с Кайнвин. Я хранил память о прикосновении ее руки так же бережно, как брошь, подаренную мне много лет назад. Она еще не вышла за Ланселота, напомнил я себе, значит надежда, пусть и безумная, пока есть.

— А что мне делать, когда Кунеглас вступит на престол?

— Дождаться меня, — отвечал Артур. — Я приеду в Повис, как только смогу. Заключив мир и совершив помолвку Ланселота, мы вернемся домой. А на следующий год, мой друг, мы поведем воинства Британии против саксов.

Он редко с такой радостью говорил о войне. Отличный воин, Артур любил битвы за то упоение, которое обретал в бою, отбросив всегдашнюю осторожность, но никогда не искал войны, если мог решить дело миром. Победа и поражение слишком непредсказуемы, и Артуру было не по душе отказываться от заведенного порядка и тщательной дипломатии ради превратностей войны. Однако дипломатия и такт не остановили бы захватчиков-саксов, надвигающихся с запада, как зараза. Артур мечтал о мирной Британии, в которой царили бы закон и порядок. Саксам не было места в этой мечте.

— Выступим весной? — спросил я.

— Как только проклюнутся листья.

— Тогда я попрошу тебя об одной милости.

— Говори, — отвечал Артур, радуясь, что сможет вознаградить меня за помощь в бою.

— Я хотел бы отправиться с Мерлином, господин.

Он некоторое время молча смотрел на сырую землю, где валялся согнутый почти вдвое меч. В темноте кто-то застонал, вскрикнул и умолк.

— Котел, — хрипло проговорил Артур.

— Да, господин.

Мерлин вышел к нам во время сражения и молил обе стороны прекратить войну и отправиться с ним за Котлом Клиддно Эйддина. Котел — величайшее из сокровищ Британии, волшебный дар старых богов — был утерян столетия назад. Мерлин посвятил жизнь поиску сокровища. Он уверял, что если найдет Котел, то сможет вернуть Британию ее законным богам.

Артур покачал головой.

— Ты и впрямь думаешь, что Котел Клиддно Эйддина уцелел за все годы римского владычества? Его увезли в Рим, Дерфель, и переплавили на пряжки и монеты. Нет никакого Котла!

— Мерлин уверяет, что есть, — не сдавался я.

— Мерлин наслушался бабьих сказок, — сердито проговорил Артур. — Знаешь, сколько людей он хочет взять на поиски Котла?

— Нет, господин.

— Восемьдесят, сказал он мне. Или сто. А лучше двести. Он даже не говорит, где Котел, только требует войско, чтобы повести его в какие-то дикие края. В Ирландию или куда еще... Нет! — Артур пнул согнутый меч, потом пальцем уперся мне в плечо. — Послушай, Дерфель, на следующий год мне нужен будет каждый человек, способный держать копьё. Мы покончим с саксами раз и навсегда, и я не могу отправить восемьдесят или сто человек искать посудину, пропавшую почти пятьсот лет назад. Вот разобьем саксов Эллы, и отправляйтесь куда хотите. Но я говорю тебе — это чушь. Нет никакого Котла.

Он повернулся и пошел назад к кострам. Я двинулся следом. Мне его не переубедить. Артур и впрямь нуждался в каждом человеке, способном держать копьё, чтобы одолеть саксов, и ни за что не согласился бы ослабить свое войско.

Он улыбнулся, словно желая сгладить резкость отказа.

— Если Котел и впрямь существует, то благополучно пролежит еще лет двести. А пока, Дерфель, я намерен тебя обогатить. Мы женим тебя на деньгах. — Он хлопнул меня по спине. — Одна кампания, мой дорогой Дерфель, одна последняя великая бойня, и наступит мир. Настоящий мир. Тогда нам не потребуются никакие котлы.

Он говорил с воодушевлением. В ту ночь, среди убитых на поле боя, он и впрямь видел приближение мира.

Мы шли к кострам, разложенным вокруг римского дома, в котором лежало тело Горфиддида, отца Кайнвин. Артур радовался в ту ночь, радовался искренне, видя близкое осуществление своей мечты. Все казалось так просто. Одна война, затем вечный мир. Артур был наш военачальник, лучший воин Британии, однако в ту ночь после сражения, среди дыма, в котором кружили души погибших, он хотел лишь мира. Наследник Горфиддида, Кунеглас, разделял Артуровы мечты. Тевдрик Гвентский был нашим союзником, Ланселоту предстояло получить Силурию. Вместе с думнонийским войском Артура

объединенные королевства Британии разобьют захватчиков-саксов. Мордред под защитой Артура вырастет и займет трон Думнонии. Тогда Артур сможет уйти на покой и наслаждаться миром и процветанием, которые принес Британии его меч.

Так Артур видел золотое будущее.

Однако он не принял в расчет Мерлина. Мерлин был старше, мудрее и хитрее Артура, и он проведал про Котел. Когда он найдет, что ищет, его власть распространится по всей Англии, как отравы.

Ибо Котел Клиддно Эйддина разрушает людские мечты.

Артур же, при всей своей практичности, был мечтателем.

* * *

В Кар-Свосе деревья стояли, одетые последней пышностью летней поры.

Я отправился на север с Кунегласом и его побежденным войском, поэтому единственным из думнонийцев видел, как тело короля Горфиддида предали огню на вершине Долфорвина. На моих глазах пламя погребального костра высоко взметнулось в ночи; душа короля прошла по мосту из мечей в Иной мир, дабы соединиться со своим призрачным телом. Костер окружало двойное кольцо повисских копейщиков. Они держали горящие факелы и, раскачиваясь, тянули Плач Бели Маура. Пели они долго, голоса нездешним эхом отражались от ближних холмов. В Кар-Свосе царила скорбь. Многие в том краю потеряли отцов и мужей; наутро после тризны, когда дым погребального костра еще плыл к северным горам, пришла весть о падении Ратэ, крепости на северной границе Повиса. Артур сдал ее саксам, чтобы купить себе перемирие на время решающего сражения с Горфиддидом. Никто в Повисе еще не знал о коварном поступке Артура, и я ничего о нем не сказал.

Первые три дня я Кайнвин не видел: был траур по Горфиддиду, и женщин к погребальному костру не допускали. Все они, одетые в черные шерстяные платья, сидели взаперти. Музыка в женских покоях не играла; туда приносили лишь воду, сухой хлеб и жидкую овсяную кашу. Все воины Повиса собрались перед королевскими палатами, чтобы провозгласить нового

короля. Я, помня наказ Артура, смотрел, не оспорит ли кто-нибудь право Кунегласа на престол, однако в толпе не слышно было ропота.

Под конец третьего дня дверь женских покоев распахнулась. Вышла служанка, посыпала порог и ступени рутой, а через мгновение в дверной проем повалил дым: женщины жгли брачную постель старого короля. Дым шел и из окон; только когда он рассеялся, Хеллед, новая королева Повиса, сошла по ступеням и опустилась на колени перед своим мужем, королем Кунегласом Повисским. Когда король ее поднял, стало видно, что белое льняное платье испачкалось там, где колени соприкасались с землей. Кунеглас поцеловал супругу и повел в дом. Иорвет, верховный друид королевства, в черном одеянии, вслед за королем вошел в женские покои. Снаружи, у бревенчатых стен, дожидались уцелевшие воины Повиса.

Они ждали, откуда детский хор исполнял любовный дуэт Гвидиона и Арианрод, песнь Рианнон и даже длинное стихотворное сказание о походе Гофаннона на Кар-Идион; лишь когда отзвучали последние слова, Иорвет, на сей раз в белом одеянии с черным, увитым омелой жезлом в руке, вышел и объявил, что дни траура окончены. Воины разразились громкими возгласами и, смешав ряды, направились к своим женам. Назавтра Кунегласа должны были провозгласить королем, и любой мог оспорить его право на трон. Тогда же мне впервые после битвы предстояло увидеть Кайнвин.

На следующий день я наблюдал, как Иорвет и Кайнвин выполняют обряд коронации. Она стояла рядом с братом, а я смотрел на нее и дивился, что женщина может быть так хороша. Сейчас я стар, и, возможно, моя память преувеличивает красоту Кайнвин. Впрочем, нет. Не зря же ее называли «сереной», звездой. Она была среднего роста, но очень стройная, что создавало впечатление хрупкости — ложное, как я убедился потом, ибо Кайнвин обладала железной волей. Волосы у нас были почти одного цвета, однако мои походили на грязную солому, а ее отливали золотом. В тот день на ней было синее льняное платье, отороченное по краю серебристым, в черную крапинку зимним горностаем — то самое, в котором она тронула меня за руку и выслушала мою клятву. Раз мы встретились

глазами, и Кайнвин печально улыбнулась; клянусь, сердце на миг замерло у меня в груди.

Ритуал вступления на престол у повисцев иной, чем у нас. Кунегласа провели вокруг каменного кольца на Долфорвине и вручили ему символы власти. Затем воин провозгласил его королем и спросил, посмеет ли кто-нибудь выступить против. Все молчали. Угли погребального костра еще дымились, но тишина вокруг камней означала, что воцарился новый король. Следом Кунегласу поднесли дары. Я знал, что Артур привезет собственное великолепное подношение; мне он отдал найденный на поле битвы меч Горфиддида, и теперь я вручил его Горфиддидову сыну в знак мира между Думнонией и Повисом.

Потом был пир в одиноком доме на вершине Долфорвина, довольно скудный: меда и пива припасли больше, чем еды. Однако на этом пиру Кунеглас мог рассказать воинам о своих чаяниях.

Сперва он заговорил о прошедшей войне. Перечислил павших в Лугг-Вейле и сказал, что они погибли не зря. «Ибо они завоевали мир. Мир между Повисом и Думнонией». Воины зароптали, но Кунеглас поднял руку, призывая к молчанию. «Наш враг, — неожиданно окрепшим голосом произнес он, — не Думнония. Наши враги — саксы!» Он помолчал, и на этот раз ропота было не слышно. Воины молча смотрели на своего нового короля — не великого воителя, сказать по правде, но человека честного и доброго. Достоинства эти ясно читались на круглом и гладком юношеском лице, которому он тщетно пытался придать солидности длинными усами (заплетенные в косички, они доходили ему до груди). Сам не воин, он был умен и понимал, что должен предложить своим людям возможность повоевать — единственный способ добыть богатство и славу. Он пообещал освободить Ратэ и покарать саксов за зверства, учиненные над тамошними жителями. Ллогр, сказал он, будет отбит, а Повис, некогда величайшее из королевств Британии, вновь протянется от гор до Германского моря. Римские города и укрепления восстанут из руин, дороги починят. Каждый повисский воин получит землю, долю военной добычи и невольников-саксов. Воины захопали: Кунеглас предло-

жил разочарованным военачальникам то, что такие люди всегда ждут от короля. Однако он вновь поднял руку, требуя тишины, и продолжил, что богатства Ллогра отвоюет не один Повис.

— На сей раз, — объявил он, — мы пойдем вместе с гвентцами и копейщиками Думнонии. Они были врагами моего отца, но мне они друзья, и вот почему лорд Дерфель сейчас здесь. — Он улыбнулся мне и продолжал: — И вот почему в следующее полнолуние моя дорогая сестра обручится с Ланселотом. Она станет королевой Силурии, и воины этой страны выступят вместе со мной, Артуром и Тевдрикком против нашего общего врага. Мы разобьем его! Мы уничтожим саксов!

Грянули ликующие крики. Кунеглас покорила сердца воинов, пообещав им богатство и мощь древней Британии. Они били в ладоши и топали ногами в знак одобрения. Король помолчал, чтобы дать им накричаться и нахлопаться, потом просто сел и улыбнулся мне, словно говоря: «Артур был бы мною доволен».

Я не остался бражничать до утра, а пошел в Кар-Свос за воловьими упряжками, в которых ехали королева Хеллед, две ее тетки и Кайнвин. Дамы хотели засветло поспеть в Кар-Свос, и я отправился с ними — не потому, что чувствовал враждебность со стороны воинов Кунегласа, а потому, что так и не сумел еще поговорить с Кайнвин. Словно шалый телок, брел я с небольшим отрядом копейщиков, охранявших повозки. Желая произвести благоприятное впечатление на Кайнвин, я тщательно оделся, начистил доспехи, стряхнул грязь с плаща и сапог, а длинные волосы заплел в косу. На плаще у меня была ее брошь — знак моей клятвы.

Я уже потерял всякую надежду, поскольку всю дорогу до Кар-Своса Кайнвин не смотрела в мою сторону, но когда впереди показались городские стены, она обернулась, спрыгнула с повозки и остановилась, дожидаясь меня. Копейщики расступились, и мы с ней пошли рядом. Кайнвин улыбнулась, увидев брошь, однако заговорила о другом.

— Мы гадали, что привело тебя сюда, лорд Дерфель, — сказала она.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
Часть первая. ТЕМНАЯ ДОРОГА	15
Часть вторая. ВОЙНА	129
Часть третья. КАМЕЛОТ	229
Часть четвертая. МИСТЕРИИ ИЗИДЫ	319
Послесловие	443